

СУДЬБЫ СЧАСТЛИВОЙ ЯРКОЕ ГОРЕНЬЕ...

/ С.Д. Эрзя /

Идут века. И новых звезд рожденье
Дает Вселенной новый, долгий свет.
Идут года. Твоей души гореньем,
Великий Эрзя, весь народ согрет.

Его имя окружено легендами. Талант необычаен. А жизнь была так густо насыщена парадоксами, что больше походит на выдумку писателя, чем на судьбу реального человека, нашего недавнего современника.

Он жил и творил не похоже на других, но столь же естественно и наивно, как поет птица. Он любил свое искусство в полном смысле этого слова самозабвенно – забывая о самом себе.

Мордвин по национальности, деревенский мужик по происхождению и с вьевшимися на всю жизнь привычками, в молодости – богомаз, потом – скульптор с мировой славой. Русский Роден Степан Дмитриевич Нефедов известный под псевдонимом Эрзя, являет собой в искусстве нечто такое, чему нет аналогий.

130 лет! И в новом веке
Всё так же ярок твой талант.
И памятью бессмертной Эрзи
Земля мордовская жива.
Пройдитесь залами музеев,
Сосредоточьтесь в тишине,
В лицо взгляните Моисея,
Разгладьте складки на челе.
И в наготу взгляните Евы,
Где мрамор будто бы живой.
Он как знаменье новой эры,
Пленит своей голубизной,
Нефедов – сын земли мордовской.
Эрзя – талант планеты всей.
Он входит в души отголоском
Тех труднообъяснимых дней.
Начав свой путь иконописью
В уютном, тихом городке,
Ты ощутил таланта искру
В своей мозолистой руке.
Но, как всегда, от сотворенья
Не признаем пороков мы.
И власть не любит откровений,
И прочь бежишь ты из страны.
Но с мыслью, что прошло все прахом,
Не мог смириться разум твой.
И вот из дерева квебрахо

Родился новый твой герой.
И жизнь прошла единым вздохом –
И был гранит, и был бетон
Ваял ты образы достойных,
И были в них и плач и стон,
И радость, что застыла в лицах
Твоих творений на века...
И едут к ним из-за границы,
Свои идут издалека.
Потомкам есть чему учиться
И что ценить в твоей судьбе.
Ну, а сегодня, в день рожденья,
Я низко кланяюсь тебе!

В. Сидунов. пос. Тургенево.

Первый исторический этюд «Благословение Вирь-Авы».

В день св. Стефана, 26 октября 1876 года, в деревне Баево Алатырского уезда, Симбирской губернии (ныне Ардатовский район, Республика Мордовия) родился Степан Нефедов. Маленький Степан рос в окружении старших: брата Ивана и сестры Ефимии. Ходить и говорить Степан начал поздно. Как гласит семейное предание Нефедовых, он заговорил, когда ему было уже более трех лет. Примерно в то же время стал и ходить. Его несколько запоздалое развитие сильно беспокоило родителей и мать Мария таскала ребенка по ворожеям и знахаркам, надеясь излечить сына от злой напасти, которая приключилась, по её разумению, не иначе как с недоброго взгляда.

Ребенком Степан очень боялся и стеснялся чужих людей. Когда случалось кому-нибудь из соседей зайти к ним в избу, он быстро карабкался на печь и прятался за трубу. Вытащить его оттуда было уже невозможно. Потихоньку, с жадным любопытством наблюдал он оттуда за всем происходящим в избе. Потолок над полатами был первым полем художественных работ маленького Степана. Весь он был испещрен разными рисунками углем и мелом. При уборке избы, перед большими праздниками, рисунки тщательно стирались, а на другой день заменялись новыми.

Дмитрий Иванович, видя стремление сына к рисованию, решил определить его в школу. Он понимал, что без учения из него не выйдет живописца. Под живописью он, конечно же, разумел иконописание. Дмитрия Ивановича прежде всего привлекал легкий труд иконописца и неплохой заработок.

Степан с радостью встретил сообщение отца, что его отдадут учиться в Алтышевскую церковно-приходскую школу. Его огорчало лишь то, что он будет жить отдельно от семьи, в доме деда Самаркина Ивана, такого сердитого и тяжелого на руку. Дед не любил когда ему перечили и за малейшую провинность порол своих внуков вожжами.

Перед тем, как отвезти сына в Алтышево, родители справили Степану обнову. Из старой овчинной шубы матери ему собрали и сшили полушубок,

сшили шапку из шкуры рыжего телянка, ну и, конечно же, обули в липовые лапти с белыми онучами...

Годы, проведенные в школе, были для Степана не из легких. В школе он держался особняком, так и не сумев до конца учебы обзавестись друзьями. Учитель Алексей Иванович научил его не только грамоте и счету, что полагалось по программе, но и пользованию красками и кистями. Известно из рассказа самого Степана Дмитриевича, что по окончании школы ему поручили написать для алтышевской церкви икону с изображением бога Саваофа. Скульптор в последствии в шутку говорил, что этот Саваоф был похож больше на черта, чем на Бога. Он, конечно, преувеличивал. Икона, написанная им, понравилась священнику и церковному старосте и была помещена в церкви. Интересна дальнейшая судьба этой иконы. Степан Дмитриевич, уже мастером-иконописцем, вернувшись из Казани, предложил изъять ее и заменить другой. Но ни поп, ни староста на это не соглашались. Летом 1912 года молния ударила в церковь и она сгорела до основания. Впоследствии, узнав об этом, Степан Дмитриевич обрадовался: наконец-то злополучной иконы больше не существует. Но каково было его удивление, когда ему сказали, что среди немногих спасенных от пожара икон оказался и его «Саваоф».

Искусству иконописи Степан продолжил учиться сначала у Тылюдина и Иванцова, потом у Колонина, который дал ему куда больше навыков живописи, чем два его предыдущих учителя. Он же и внушил ему мысль, что Степану необходимо серьезно учиться. Но для того, чтобы куда-то поехать, надо иметь деньги. И Степан всю зиму проходил по окрестным селам Алатыря и Ардатова, выполняя мелкие столярные заказы, а весной нанялся в батраки к богатому крестьянину Ардатовского уезда. Подкопив денег, Степан отправляется в Казань. Работает в депо, знакомится с городом, заходит в иконописные мастерские, знакомится с Ковалинским, знаменитым иконописцем, который пригласил Степана расписывать вновь построенный собор в городе Арске.

Вернувшись в Алатырь, Степан познакомился с богатым дворянином Николаем Николаевичем Серебряковым, который дал ему рекомендательное письмо к брату – профессору Московского университета. Но поездка откладывалась из-за отсутствия денег. И прежде чем Степану это удалось, прошел еще один год. Ускорил его отъезд непредвиденный случай, правда не совсем приятный, который мог бы кончиться для него весьма печально.

Степан познакомился с женой богатого лесопромышленника Солодова – Фаиной и между ними начался роман. Солодов на поведение жены, казалось, не обращал внимания. Поэтому для Степана было полной неожиданностью, когда один из кучеров Солодова подстерег его ночью и жестоко избил, оставив лежать на земле без сознания. Степан вернулся домой лишь утром, с разбитой головой, весь в синяках и кровоподтеках.

После этого происшествия отец Степана не стал больше тянуть с отъездом сына в Москву. Он выделил ему небольшую сумму денег,

предупредив, что это все, что он может ему дать, и впредь больше пусть не рассчитывает на его помощь.

Мало чем помогло Степану Нефедову письмо Серебрякова. Профессор, правда договорился с директором Строгановского училища Глобой, что подошлет способного художника, молодого паренька – земляка. Глоба дал согласие принять, не подозревая, что этому пареньку двадцать четыре года. Поэтому увидев Степана, он не только не помог, но даже высмеял его, сказав, что человеку его возраста надо думать не об учебе, а о женитьбе.

Подыскивая себе работу, Степан не переставал думать о Строгановском училище и поступает на вечерние курсы училища, и устраивается в фотоателье ретушером. Но, учась в Строгановском училище, Степан понял, что прикладное искусство не для него. Ему повезло, и живописец Касаткин помог ему поступить в Московское училище живописи, ваяния и зодчества. В фотоателье Степан знакомится с итальянцем Даниэлем Тинелли, художником и фотографом семьи Романовых. Он уговаривает Степана поехать с ним в Италию и обещает создать ему все условия для работы. Но Степан не может ехать, не закончив училища. Тогда они договариваются, что он непременно поедет после его окончания.

В эту зиму Степан Нефедов много работает и выставляется на очередной ученической выставке. Его работы привлекают к себе даже внимание прессы. «Русское слово» удостаивает его похвальной строкой. Он хотел работать, творить. А для этого нужны средства для жизни. Средств у него не было. Перед ним было два пути: или уехать в Алатырь и снова заняться иконописью, или отправляться в далёкую Италию. Степан выбирает последнее.

В груди бушует к творчеству стремленье,
В далекий путь тебя влекут мечты...
Ни перед кем не ведал униженья,
Работой избегая нищеты.
Дает любви к Отчизне ощущение
Магическую силу вдохновенья.

В ГРУДИ БУШУЕТ К ТВОРЧЕСТВУ СТРЕМЛЕНЬЕ

(второй исторический этюд).

Пустившись в заграничное путешествие, Степан Нефедов не знал ни одного иностранного языка. Но все дорожные неприятности искупались радушным приемом, оказанным ему Тинелли. Вместе побывали они в разных городах: Риме, Неаполе, Флоренции. Но жить у друга Эрзе не понравилась, хотя он и был всем обеспечен, мешали многочисленные родственники Тинелли, которые приняли Степана нелюбезно, подозревая его сыном Тинелли и считали, что их дядя сделает своим единственным наследником. И Степан уходит из сытой, обеспеченной жизни, не сказав об этом ни кому. Всю зиму Эрзя провел в Милане на положении бездомного бродяги, но судьба ему посылает некую помощь в лице армянина Вольдемара. Тот помог ему устроиться на фотофабрику и на первую же полочку С. Эрзя покупает

материал для скульптурных работ. Вечерами и ночами он начинает лепить. Он лепит автопортрет, получивший название «Тоска» (показать)
Стихотворение «Перед бюстом Эрзья»

Как голодал в Италии он,
 Эрзья.
Без денег, без пристанища,
 притом
Что говорить, намучился
 Донельзя,
И спал на набережной
 под мостом.
Милан – не лес мордовский
Знамо, знамо
Тут ягод и орехов наберешь
-А там, какой бы ни был ты
 упрямый,
Их, ягод на асфальте, не нарвешь
А вот скульптуру изваял
 Какую
Неповторимую
Всю душу в ней излил
По жизни всю «Тоску» свою
 большую
В ней гениально воплотил
 (В. Гадаев)

Писатель Амфитеатров выскажется об этой скульптуре так: «Это музыка Бетховена, окаменевшая в мраморе». Затем следует «Головка ангела», «Сеятель», «Косец». Фотографии своих работ Степан носил всегда в кармане. Через протекцию Вольдемара Эрзья выходит на инспектора художественных музеев Уго Неббии. И тот, нехотя согласясь на просмотр работ Степана, переступив порог жилища Эрзья, застыл от удивления. То, что увидел инспектор, он сразу же отнес все это к высокому и сделал так, что Эрзья принял участие в выставке изобразительного искусства, состоявшейся в Милане в 1909 году. Это было первым большим успехом. Дорога к общественному резонансу была проложена. Мечта о том, чтобы его работы видели люди понемногу исполнялась.

ЭРЗЯ И ХРИСТОС.

Творчество связало и распяло
На кресте ваятеля творца
И в его конечности вбивало
Гвозди ржавые до самого конца.
Исходил он муками и криком,
Если шаг неверный брал резец
И в поту не думал о великом:
Шлифовал до блеска образец...

Одержимостью безжалостной распятый,
Из себя он вылепил Христа.
А сегодня было воскрешенье –
Эрзя ожил в творчестве своем:
Озаренье, свежесть, изумленье,
Восхищенье в Эрзе мы найдем!

И вот уже – участие в Международной художественной выставке в Венеции, где была представлена только одна работа Эрзи «Последняя ночь осужденного перед казнью». Она имела огромный успех. Газеты стали писать о нем: «Единственный представитель России С.Д. Эрзя поддержал честь родного русского искусства».

Потом, после некоторых жизненных перипетий, Эрзя попадает в Париж, где он начинает готовиться к выставке «Осенний салон». Он задумал сделать скульптуру, которая представляла собой фигуру рабочего, держащего на руках раненную женщину (тема 1905 г.). Эту работу за высокую цену купило русское посольство, обрадовав скульптора, но узнав истинные причины покупки, Эрзя долго не мог прийти в себя. Оказывается скульптура была куплена для того, чтобы ее убрать с выставки: ведь она напоминала о кровавом расстреле безоружных людей 9 января 1905 года. Но скульптор не устает работать день и ночь, день и ночь. И вот уже в 1913 году Эрзя устраивает в Париже персональную выставку. И вот результат: полнейший успех, рецензии и фотографии его работ обошли всю европейскую прессу.

В Париж к скульптору приезжали из России мать и племянник Василий. Мать недолго погостила у сына, ей не очень понравился стиль жизни, многолюдный и «бестолковый», - как она выразилась. И уехала домой она уже одна. Василий остался у дяди учиться скульптуре и живописи. Но беспокойная натура Эрзи всё время тяготила к частым переменам и новшествам. И он собрался оставить Париж и уехать в Италию. Но слишком долго скульптор находился вдали от Родины. Возвращение на родину стало для Эрзи единственной и целью и единственным желанием и он посылает письмо в городскую управу города Алатыря с предложением приехать со всеми своими скульптурами в Алатырь, если ему предоставят помещение для выставки. Долгожданное письмо наконец-то пришло, его приглашали лично наблюдать за постройкой здания, предназначенного для размещения его скульптурных работ. Шел 1914 год. Эрзя выехал из Парижа через Германию на родину.

Магическую силу вдохновенья
Под небом Аргентины ты берег
Там дал ты Моисею воскрешенье,
Легенду воплотить в скульптуру смог.

Тепло твоей души, твое уменье
Творить – успеха твоего залог.
Даруешь вечность ты своим твореньем
И сам велик становишься, как Бог.

Но – утренней, вечерней ли порою,
Когда на миг уходишь от забот,
Россия предстает перед тобою
И мысль твоя навстречу ей плывет.

Пускай ты от России в отдалении –
Навстречу ей стремишься в нетерпении.

ПОД РУКОЙ И МРАМОР ДЫШИТ (третий исторический этюд).

Раньше Эрзя никогда не бывал в Петербурге, и северная столица после солнечной Италии ему показалась холодной и неприветливой. Он поселился в меблированных комнатах на Васильевском острове. Но пребывание Эрзи в Петербурге ознаменовалось неприятным событием, когда его две недели продержали среди воров и пропойц в каталажке одного из полицейских участков города. Скульптору не предъявили никаких обвинений, продержали просто так, по выражению того времени «для порядку».

По выходу из полицейской каталажки у Эрзи не было уже никакого желания далее оставаться в Петербурге. Расстроенный и недовольный столь нелюбезным приемом, Степан Дмитриевич уезжает в Москву. Он расположился в пустующей мастерской у Семена Алексеевича Пожилыцова, знакомого по училищу живописи, ваяния и зодчества. И сразу же принялся за работу. Здесь он работает с глиной и мрамором. Мрамор он доставал по сходной цене на складе памятников Дорогомилоского кладбища.

У скульптора набралось несколько учеников. Среди них наиболее способными он считал молодого военного врача Мотовилова и Елену Мроз, с которой у него установились близкие дружеские отношения, перешедшие вскоре в любовь. Они с Еленой почти никуда не выходили, жили замкнуто, работали и ничего не замечали вокруг.

Ученики все разошлись, время было бурное, беспокойное, многим казалось, что сейчас не до искусства. За четыре года после возвращения в Россию, Эрзя не участвовал ни в одной выставке. Когда же он представил на художественную выставку тридцать скульптурных работ, корифеи «Союза русских художников» отнеслись к нему свысока. Одни просто не признавали, другие смотрели на него с равнодушием обывателей. Выставка «Свободное творчество» изменила отношение к скульптору. Благожелательное отношение критики к его работам вдохновило скульптора на новые замыслы. Но в Москве в то время все труднее становилось с материалом. Нельзя было достать ни глины, ни цемента. О мраморе нечего было и мечтать. Поэтому Эрзя решил ехать туда, где имелся материал для работы. Он знал, что уральский мрамор ничем не уступал карьерскому. Итак, они с Еленой

собрались на Урал. Но прежде Эрзя решил навеститься в Алатырь, чтобы захватить с собой племянника Василия и взглянуть на родные места...

В начале лета 1918 года Степан Эрзя с командировочным предписанием Наркомпроса выехал на Урал. Его сопровождали Елена Мроз и племянник Василий.

Василий в дороге занемог, сказавшись поездка на крыше вагона. Он и раньше частенько жаловался на боль в правом боку, а теперь едва держался на ногах. Он стал просить дядю, чтобы тот показал его врачу. Но и врач ему уже не помог, Василий скончался. Эрзя и Елена к тому времени обосновались на жительство в большом селе Мраморском. Там они похоронили Василия.

Село не случайно называлось Мраморское. В его окрестностях велись залежи мрамора. Это как раз было то, к чему Эрзя так стремился и с такими трудностями сюда добирался. Елена занялась портняжным делом. Жили они на краю села в ветхой заброшенной избенке.

За зиму и весну Эрзя сделал «Бюст Елены», «Спокойствие», «Спящую женщину», «Еву» и выполнил надгробный памятник Василию. Летом он работал прямо в карьере, сам добывал мрамор, откалывая от глыб нужные по размеру куски. От дождя и полуденного зноя прятался в шалаше, который соорудил здесь же.

КРАСИВЕЙШАЯ

Музыкою странною согреты
Заплясали искры на горах,
Радугой играли самоцветы
На густых, волнистых волосах...

И хвоей пропахший изумрудный
Стлался над уступами туман...
Ты блистала красотою чудной
И змеёю извивался стан.

И за каменным цветком Данила
Устремился вглубь твоих пещер...
И не ты ли Эрзю заманила –
В альгарробные леса открыла дверь?

Красивейшая, с глазами синей сини
Ты осталась в памяти моей
Со штрихами плавных линий
Соболиных, бархатных бровей.

Когда Екатеринбург заняла Красная Армия, наробраз города пригласил Эрзю директором и организатором художественной школы. К работе он приступил в начале августа 1919 года. Занятия в школе Эрзя совмещал с работой над созданием монумента «Свободы», заказанного ему губисполкомом и наробразом. Монумент должен был украсить одну из центральных площадей города. Целые дни Степан Дмитриевич проводил за

работой, отрываясь лишь на время, чтобы заглянуть в мастерские и классы. Преподавательский персонал в основном состоял из старых, ранее работавших в этой же школе людей. Эрзя с ними хорошо ладил, и все шло благополучно.

Нормальный процесс занятий был нарушен инспекторами Боевой и Соколовым, которые признали, что школа нуждается в коренной реформе, что педагогический состав не соответствует своему назначению, а директор Эрзя является представителем буржуазного искусства, и его надо немедленно отстранить от своих обязанностей.

Снова Москва... Кроме скульптур Эрзя забрал и весь свой запас мрамора. Начались проблемы с устройством скульптур. Его бывшая мастерская была занята под красноармейский клуб. Опасаясь, что его скульптуры в любой момент могут выбросить из вагона, он сидел там целыми днями и сторожил их. Елена носила ему туда еду. Она тоже вся извелась, глядя на Эрзю, и не видела впереди никаких перспектив, кроме как бросить все хлопоты и бесполезные поездки по Москве и уехать к родителям в Геленджик.

Путешествие на юг оказалось не менее трудным, чем на Урал, с той лишь разницей, что сейчас был апрель, и Эрзя двигался все ближе к теплу.

К скульптору как-то заглянул корреспондент местной газеты «Красное Черноморье» Эпштейн. Его страшно удивило, в каких несносных условиях находится Эрзя. Но Эрзю беспокоили не условия жизни, а то, что здесь нельзя работать – тесно и негде греть воду. Это единственное, в чем бы он хотел просить корреспондента помочь ему. Эрзе предоставили комнату для жилья, а спустя некоторое время – и помещение под мастерскую.

В Новороссийске они прожили нелегкую зиму, пожалуй, самую трудную из всех. И в марте 1922 года Эрзя вместе с Еленой отплыли в Батуми. Здесь он вступил в Ассоциацию художников России. Здесь же он впервые обращается к дереву, как к самостоятельному материалу для работы.

Затем Баку. Он становится профессором Высшей художественной школы, но новые неприятности вновь вынуждают его оставить пост и уехать из города. Ко всем неприятностям, которые пришлось ему пережить в Баку, прибавилась еще одна – разрыв с Еленой. Уставшая от бесконечных невзгод и неудач и от несносного тяжелого характера скульптора, она решила расстаться с ним.

МОЛИТВА ЭРЗИ

Боже, дай мне силы
Для народа!
Укрепи меня и озари!
Пусть в душе не будет
Недорода!
Помыслы
Пусть сбудутся мои...
Дай терпенья мне
И состраданья...
Освети мой путь,

Чтобы вечно
ОТЧЕЕ СИЯНЬЕ
Изгоняло Грусть...

Москва. Её не узнать, как она изменилась с той поры, когда Эрзья был здесь в последний раз. Улицы и площади полны людской толчеи и шума. Эрзья целыми днями бродил по улицам, радуясь великолепию возрожденного города.

Незадолго до его приезда в Москве организовалось Общество русских скульпторов, куда охотно приняли и Эрзью. Общество готовилось к большой первой выставке и Степан Дмитриевич тоже. Это была первая большая выставка скульптуры за всю историю России. Газеты давали о ней подробные отчеты. Имя Эрзьи упоминалось почти во всех из них. Одни отзывались о нем восторженно, другие наоборот – хулили. Последних, пожалуй, было больше.

После закрытия выставки Эрзья был на приеме у наркома просвещения, который поинтересовался его планами на будущее и предложил поехать с выставкой во Францию.

Осенью 1926 года скульптор Эрзья и его секретарша и переводчица Юлия Кун выехали в Новороссийск, чтобы затем отплыть во Францию.

Не правда ли – примерам не конца
Тому, как образ, в камне воплощенный
Пленяет взор потомка восхищенный
И замыслом, и почерком резца?
Творенье может пережить творца
Творение уйдет, природой побежденный.
Однако образ им запечатленный,
Веками будет согревать сердца!

ПУСКАЙ ТЫ ОТ РОССИИ В ОТДЕЛАНЬИ, НАВСТРЕЧУ ЕЙ
СТРЕМИШЬСЯ В НЕТЕРПЕНЬИ.
(четвертый исторический этюд)

С тяжелым сердцем покидал Эрзья родину, словно чувствуя, что покидает ее на долгие годы. С ним была его секретарша Юлия Альбертовна Кун.

В Париже Эрзья пробыл недолго. Ему в голову пришла мысль поехать за океан. В Америку! В Буэнос-Айресе Эрзья с Юлией поселились в обширном помещении, вдали от шумных улиц. Юлия, его помощница, была очень этим недовольна: ее молодость требовала удовольствий и развлечений. А Степан Дмитриевич устал от постоянной суеты и переездов. Его душа жаждала покоя и работы. И еще Эрзья был озадачен отсутствием материала: нигде не мог достать ни дерева, ни глины, ни мрамора. Но однажды он чисто случайно наткнулся на кучу причудливых коряг. И это положило начало скульптуре с новым материалом – квербахом, деревом, которое жители лесов называют «ломай топор». Квербахо очаровало его. А вот Юлия все больше и больше разочаровывала и раздражала Эрзью. Скоро их отношения окончательно испортились и Юлия отправляется одна на родину. Оставшись

один, Эрзя весь погрузился в работу. Он создает из дерева «Бурлака», «Мужика», «Русскую женщину» (показать). И вот спустя некоторое время, Эрзя уже и в Аргентине организывает выставку своих работ, имевшую огромный успех. Всех поразили работы из дерева – квербахо.

Постепенно складывается счет прожитым годам в Аргентине – от выставки к выставке. Не было отбоя от заказчиков. Но заказы скульптор принимал редко, лишь для того, чтобы пополнить свою кассу. Скульптор открыл для себя другой рабочий материал – дерево альгарробо, древесина которого имела теплый, желтоватый оттенок. Вот из этого материала Эрзя создает свою одну из очень значительных работ «Моисея» (показать).

ЭРЗЯ ИМЕНИ ЭРЗИ.

Эрзя имени эрзи?
Значит совсем разуверься
В том, что талантлив и спорен
И восхищенья достоин?
Мир так смешно устроен:
Эрзя от голода болен,
Холодно, негде укрыться,
Но творчество состоится!
Бездна сомненья и горя,
Правда, рожденная в споре,
Мрамор, характером сточен...
Дерево Аргентины
Стало его судьбиной
И альгарробо с квебрачо
Стали его удачей.
Эрзя – эрзя от плоти,
Преданный только работе,
Счастье нашедший в натуре,
РОДИНЕ ДАРИТ СКУЛЬПТУРЫ!

Имя Эрзи становилось все более популярным, а журналист Альфред Кан пишет про него книгу «Бурная и своеобразная жизнь Нефедова» на испанском языке. Из-под рук скульптора выходили все новые и новые вещи: «Чилийка», «Индианка», «Испанская танцовщица» (показать иллюстрации)

Скульптор и не заметил, как начала подкрадываться старость. До 60-ти лет он не чувствовал ее приближения. Время летело. Он жил только работой. А в один из дней Аргентинской зимы Эрзя услышал недобрую весть – на его родину напала фашистская Германия.

Ты родине несешь свое уменье
Опять. На Запад держат путь полки
И знают – всех их под родною
сенью
Ждут жены, ребятишки, старики.
Ты чуял сердца воинов горенье,
И мысленно их подымал в
штыки!

Ты с ними вместе нес

врагам отмщенье

и знал: Победы дни недалеки!

В мире происходили большие события, а стареющий скульптор был жив только работой. Иногда силы совсем покидали его, и очки с трубкой стали неотъемлемой частью его портрета. Но все равно Эрзя целыми днями стучал молотком, долбя дерево или мрамор. А после известия о Победе над фашистской Германией постоянное желание увидеть родину разгорелось еще больше. Отныне он жил только одной мыслью- вернуться домой, на родину во что бы то ни стало. Но он еще жил 3 года в Аргентине, ожидая разрешения выехать на родину, регулярно переписываясь со своим племянником Михаилом Ивановичем Нефедовым, жившим тогда в Москве (кстати, Нефедов М.И. – автор памятника Пожарскому И.А., установленный в парке нашего города).

Уста шептали: «Русь родная,
мать!»

Звала тебя отчизна все
сильней.

Казалась красным знаменем
над ней

Заря, не устававшая сиять
Желание кипело – рядом встать,
На родине жить до последних
дней,

Великому народу передать
Свое богатство, жар души
своей.

До родины дошла тоска твоя
Тебе отчизна руку подала
И для нее, что с малых лет
мила,

Покинул ты далекие края
(И. Калинин)

ТАКИМ В ВЕКАХ НЕ СУЖДЕНО ЗАБВЕНЬЕ.

(пятый исторический этюд)

И вот у Эрзи взгляд
Лучистый

И губы шепчут:

- Навсегда

Прощай, чужая Аргентина!

Мои скитанья!

Полный ход

По океану в дымке синей

Набрал груженный теплоход.
А груз-то –
Ящики!
В них скопом
И по отдельности «особо» -
Скульптуры.
В штабелях пеньки
Куски квербахо, альгарробо
И суетятся моряки,
Бросая взгляды- огоньки
Из-под суконных бескозырок
На тень нароста – чурбака
На низенького старика –
Единственного пассажира.
А он среди ящиков, в
фуражке.
Усатый, с трубкою в зубах,
Прощает взглядом
деревяшки
И, крепость чувствуя
в руках
Упругий, сильный,
неустанный
Еще он вырубит немало
Недаром ведь домой
везет
Станок, тяжелую кувалду,
Дрель, молоток, набор
Долот, -
Весь свой рабочий инструмент.
Прощай, горячий
Континент!

(В. Гадаев)

Шел 1950 год. Эрзя приехал в Москву, где ему дали квартиру и где к нему приехала Елена Мроз – ученица и близкий друг прошлых лет. Но у Эрзи уже сложился другой стиль жизни, они были бы в тягость друг другу. Но он никогда не был один. К Эрзе в мастерскую все шли и шли люди, чтобы увидеть его чудесные работы, о которых по Москве ходили легенды. Да и сам скульптор сделался легендой. И вот в 1954 году была организована выставка работ скульптора. На нее ежедневно приходили около 6000 человек. Люди стояли в очередях для того, чтобы попасть на нее. Выставка дала скульптору хорошую творческую зарядку и он, в общем-то уже старей, больной (очень болели ноги) человек, мог всего за ночь выполнить скульптуру. Например, «Казашка» (показать). Эта скульптура была первой

из пятнадцати задуманных Мастером. Он хотел создать композицию из 15-ти скульптур – из представительниц народов своей родины.

Но... (пауза) Смерть пришла неожиданно вечером или ночью. 23 ноября 1959 года. Утром скульптора нашли в прихожей на полу без признаков жизни.

Похоронили его на старом городском кладбище г. Саранска.

Он знал все страдания

20-го века

Разгадывать тайны и думы умел.

Всю жизнь изучал,

узнавал человека,

Величье и гордость воспел.

Мордовия чтит память талантливого земляка. В Саранске, в Мордовском республиканском музее изобразительных искусств бережно хранится 195 работ Мастера. На родине скульптора, в селе Баево открыт мемориальный дом-музей С.Д. Эрзи: в его честь названы улицы в городах Мордовии.

Высокий гуманизм, вера в человека, в его красоту и благородство – вот что оставил нам в наследие этот замечательный художник.